
ОПИСЬ КРОВИ
АВТОР СОЛНЦЕВА М.В.

Маргарита Солнцева

Опись крови

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Опись крови / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

1608 год, Чахтице. Девушку из мельничьей семьи берут в замок графини Эржебет Батори — не в услужение, а в счётную комнату: писать описи. Она умеет считать, и очень скоро счёт перестаёт сходиться: простыней уходит вдвое больше, чем можно износить, девушек в замке становится меньше, а в описи они не значатся вовсе. Чтобы выжить в доме, где кровь считают лекарством, ей придётся стать тем, кем она боится быть: свидетелем, которого нельзя не заметить.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Счёт на девять душ 6
Глава 2. Графиня считает лучше меня 23
Глава 3. Свеча и миска 41
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Маргарита Солнцева
Опись крови

Хоррор

Опись крови

Солнцева М.В.

1608 год, Чахтице. Девушку из мельничьей семьи берут в замок графини Эржебет Батори — не в услужение, а в счётную комнату: писать описи. Она умеет считать, и очень скоро счёт перестаёт сходиться: простыней уходит вдвое больше, чем можно износить, девушек в замке становится меньше, а в описи они не значатся вовсе. Чтобы выжить в доме, где кровь считают лекарством, ей придётся стать тем, кем она боится быть: свидетелем, которого нельзя не заметить.

SunnyBooks

Глава 1. Счёт на девять душ

Меня зовут Дорка, и я умею считать. Это единственное, что во мне есть от грамотея, и единственное, что меня спасло. Всё остальное во мне от мельницы: спина, руки, привычка вставать до света и не спрашивать, почему.

Нас у отца было девять. Не потому, что он любил детей, а потому, что мать умирала медленно, десять лет, и за эти десять лет успела родить семерых, а двое были до неё. Отец мой был мельник в Немецком Подградье, на реке, которая зимой не вставала до самого Рождества, и мельница наша стояла так близко к воде, что по ночам казалось: кто-то ходит внизу, под полом, по колено в течении, и пересчитывает камни.

Он действительно пересчитывал. Я слышала это ещё до того, как научилась понимать слова: ровный, тяжёлый, повторяющийся стук, будто по дну реки шли огромные шаги и каждым шагом отмеряли что-то, чего нельзя вернуть.

— Это мельничное колесо, — говорил отец. — Вода ворочает, дерево стучит. Не выдумывай.

Я не выдумывала. Я просто запоминала. У меня с детства была дурная привычка: я запоминала число. Сколько раз ударило колесо до рассвета, сколько мешков приняли в среду, сколько свечей сгорело за пасху, сколько зубов осталось у матери к весне. Мне было восемь, когда я поняла, что если числа записывать, они начинают говорить. Тогда я ещё не знала, что говорят они всегда одно и то же: кого-то не хватает.

Анна была старше меня на два года. Она была красивее — так говорили все, и это было правдой; я видела её рядом с собой в оловянном блюде и понимала, что мне досталась её тень. У неё были тяжёлые светлые волосы, которые она заплетала в две косы и укладывала венцом, потому что венцом носили на праздник, а она носила всегда. И у неё были руки, которые всё делали красиво: она могла чистить рыбу так, что это было похоже на молитву.

В тот год, о котором я пишу, ей минуло двадцать, а мне восемнадцать, и отец задолжал.

Долг был не наш. Долг был за мельницу, за новое колесо, за то, что весной сорвало плотину и надо было класть камень. Отец взял деньги у человека, который давал их неохотно и говорил при этом: «Даю не тебе, а месту». Человек этот служил у графини, а графиня держала в Чахтице замок и землю, и на её земле стояла наша мельница, и вода, которая её ворочала, тоже была её водой, потому что вся вода в этой долине принадлежала тому, кто владел долиной.

Долг был сто двадцать гульденов. Отец платил проценты четыре года и не заплатил ни гроша тела.

В июне, в ту среду, когда сено уже свезли и в воздухе стояла та тяжёлая, сладкая духота, после которой всегда идёт гроза, к нам приехали двое верховых. Они не слезли с коней. Они стояли у ворот, и один из них, тот, что постарше, в сером кафтане, сказал через двор, не повышая голоса:

— Мельник. Госпожа берёт у тебя в услужение девушку. Одну. В счёт процентов.

Отец вышел босиком, в рубахе, и я видела, как у него ходят пальцы — он всегда так делал, когда считал про себя: сжимал и разжимал, будто перебирал монеты в кармане, которых там не было.

— У меня две дочери на возрасте, — сказал он. — Старшая и младшая.

— Старшую, — сказал человек в сером.

И это всё. Никто не спросил Анну. Никто не спросил меня. Отец провёл рукой по лицу и сказал:

— Когда?

— Завтра до полудня. Сундук не нужен, там дадут. — Человек в сером посмотрел на меня впервые, и я запомнила его глаза: не злые, нет. Усталые. Так смотрят на вещи, которые

надо перевезти. — И вот что, мельник. Пусть девочка прощается, но не голосит. Госпожа не любит, когда голосят.

Они уехали, и пыль за ними встала и не садилась до вечера.

Я помню этот вечер подробно, потому что это был последний вечер, когда я была просто Доркой.

Мать умерла за три года до этого, но её вещи всё ещё лежали в сундуке, и Анна в тот вечер достала оттуда полотно — её полотно, не наше, — и стала шить мне рубаху. Она шила молча часа три, а я сидела напротив и считала стежки. Семьсот двенадцать стежков в правом боку, семьсот двенадцать в левом. У неё была ровная рука.

— Ты будешь писать мне, — сказала она вдруг. — Ты умеешь. Ты одна во всей округе умеешь, кроме священника.

— Что писать?

— Всё.

— Зачем?

Она откусила нитку.

— Потому что если я не напишу тебе, ты не узнаешь, что я жива. — Она сказала это спокойно, без всякого страха, и от этого стало страшнее. — А если я не напишу, ты придёшь.

— Приду.

— Не приходи, — сказала Анна. — Слышишь? Что бы ты ни услышала, не приходи. Мне там будет лучше, чем тебе. Ты некрасивая, тебя туда не возьмут в услужение, тебя возьмут в подвал.

Она была права, и я это знала, и она знала, что я знаю, и мы обе молчали об этом, пока не стемнело.

Ночью я не спала. Я лежала на печи, слушала реку и считала — не удары колеса, а всё подряд, потому что так мне было легче: сколько раз скрипнула дверь, сколько раз отошёл коростель, сколько раз отец перевернулся на сеновале. Он тоже не спал. Один раз он поднялся, подошёл к окну и долго стоял, и во дворе было так тихо, что слышно было, как в конюшне лошадь переступила с ноги на ногу.

Утром Анна умылась, заплела косу, надела тот самый венец и ту самую рубаху, которую шила мне, — а шила она, конечно, не мне, я это поняла только к обеду.

Она ушла в своих башмаках, а мне оставила свои вторые, стоптанные. Мне они были велики.

На полях описи:

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Записала: Турзо пришла после полуночи, ушла в после полуночи. Больше ничего.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи.

писарь пришивал воротник в нижней палате.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

«Турзо, бумага с печатью за одиннадцать месяцев стоит дешевле, чем молчание за один день».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

Опись имущества, лист 26. Простыни полотняные — 118; скатерти — 118; посуда оловянная — 118 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 118 гульденов.

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

Ката разбирала бумаги на лестнице.

— Здесь все так делают. — Вот поэтому я и записываю.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок.

Крайчи грел руки у свечи в прачечной.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами.

Сечени молчал и запоминал в счётной.

— Что записываешь, Дорка? — Простыни, госпожа. Людей в опись не вносят.

Она не верила в чудеса и поэтому замечала всё остальное.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

«графиня, пишу тебе не обвинение, а просьбу: проверь по книге прихода имена, что приложены».

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В прачечной вода в корыте была серой. В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу.

Ката переводила с латыни в кладовой.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Правда здесь никого не интересовала; интересовала опись.

В бельевой пахло мылом и сыростью. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

Счёт за в полдень. Свечей сальных — 3; соли — 3 мер; вина — 3 бочонка. Отдельной строкой: за починку замка в северном крыле — 3 гульденов, мастер не назван.

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

Пометка:

Записала: графиня пришла в полночь, ушла в в полночь. Больше ничего.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Пометка: имя Юрай есть в книге прихода, обратной записи нет.

Записала: графиня пришла в полночь, ушла в в полночь. Больше ничего.

В тетради счётной:

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Сегодня в замке 0 человек прислуги; в августе было больше.

Сегодня в замке 118 человек прислуги; в августе было больше.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом.

графиня писала письмо в кладовой.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока. На дворе лаяла собака и внезапно умолкала.

Крайчи писал письмо в коридоре замка.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

Запись в книге имён. Иллеш, пришла в шесть утра из в прачечной; записано: «дальнейшее неизвестно». Проверено по книге прихода: имя значится. Обратной записи нет.

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков.

графиня переписывала опись в счётной.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну.

Иллеш переписывал опись на рынке в Трнаве.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

Отец Юрай говорил тихо, потому что громко здесь не получалось.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Опись имущества, лист 222. Простыни полотняные — 1; скатерти — 1; посуда оловянная — 1 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 1 гульденов.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

«Дорка, бумага с печатью за одиннадцать месяцев стоит дешевле, чем молчание за один день».

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. На дворе лаяла собака и внезапно умолкала.

Крайчи приносил дрова в малой зале.

— Что записываешь, Дорка? — Простыни, госпожа. Людей в опись не вносят.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь.

Турзо прятал лист под передник у камина.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок.

Турзо приносил дрова в бельевой.

— Ты понимаешь, что тебя могут выгнать? — Понимаю. Но листы уже переписаны.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

* * *

Скажу сразу, чтобы потом не возвращаться: я пишу это в 1614 году, в Крупнице, на постоялом дворе, где за стеной храпят возчики, и за окном идёт дождь, который тут идёт всегда. Мне двадцать четыре. У меня нет ни мужа, ни детей, ни мельницы, ни имени — я подписываюсь чужим, и мне за это платят, потому что человек, который умеет считать, всегда кому-нибудь нужен.

Пишу я для того, чтобы это осталось, а не потому, что кто-то будет читать. Читателей у такого письма не бывает: его либо сжигают, либо прячут, либо за него вешают. Я пишу на обороте старых описей, и поэтому через каждые двадцать строк моя кровь кончается, а начинается чужое: «простыни, 4, ветхие», «свечей сальных, 12», «олово, 6 блюд, одно битое».

Числа я узнаю даже сквозь свою руку. Они лежат подо мной, как камни под водой, и если долго смотреть, видно, что опись — это не про вещи. Опись — это всегда про людей. Вещь не пропадает. Вещь изнашивается, бьётся, ветшает, и её списывают. Пропадает только человек, и его в описи нет, потому что его там никогда не было.

Именно так я и попала в Чахтице. Меня взяли считать вещи, а я стала считать людей, и по счёту вышло, что вещей в замке больше, чем людей, которые их носят.

В том июне, когда Анна ушла, я не знала ничего этого. Я знала три вещи: что отец задолжал сто двадцать гульденов, что сестра ушла в замок и что рано или поздно я за ней приду.

Первое письмо пришло через шесть недель, в конце июля. Его привёз мальчишка-пастух, который сам не знал, что несёт; ему дали хлеба и велели отдать «девке на мельнице, той, что некрасивая». Я развернула бумагу и села на крыльцо.

Писала не Анна.

Это была не её рука — её рука была ровная, а эта прыгала, и чернила были разведены водой, как будто перо макали в чай. Это был не её язык: она говорила по-нашему и по-немецки, а писала по-нашему, а тут была латынь, плохая, школьная, с ошибками.

«Сестра. Она жива. Служит в верхних комнатах. Ходит в хорошем. Не спрашивай больше. Сожги.»

Внизу, вместо подписи, стояло число, и это было единственное, что не оставляло сомнений.

Одиннадцать.

Я не поняла тогда. Я подумала: одиннадцать — это день. Или час. Или сколько писем я должна ждать. Я спросила пастуха, кто ему дал бумагу, и он сказал: девушка в чёрном платке, у ворот, лицо белое.

Отец прочёл письмо через моё плечо, потому что читать не умел, но притворялся, что может, когда рядом никого.

— Одиннадцать, — сказал он. — Она всегда путала цифры. У неё было одиннадцать стежков на воротнике.

Он ушёл в амбар и не выходил до темноты.

А я сидела на крыльце и считала.

Я считала, сколько времени прошло с того вечера, когда она шила. Шесть недель и два дня. Я считала, сколько раз за это время приходили верховые от замка — три раза, и каждый раз забирали что-нибудь: муку, полотно, кур. И я считала, что за всё это время — а это было сорок четыре дня — в округе не пропал ни один человек, о котором бы говорили вслух.

Говорили шёпотом.

Шёпот я услышала позже, в августе, на ярмарке в Новом Месте. Там две женщины у прилавка с воском переговаривались так, как переговариваются, когда знают, что их слышат, и хотят, чтобы услышали не они.

— У неё опять взяли девку из Илава.

— Отдали?

— А кто не отдаст. У него долг.

— И что?

— Ничего. Ушла и ушла.

— А та, из-под Скалицы?

— Какая?

— Ну та, что шила.

— Так она же у бабы Катарины, в бельевой. Ей хорошо. Ей дали два платья.

Я стояла с корзиной яиц, и у меня в руках было четыре дюжины, и я не разбила ни одного, потому что я умею держать.

Дома я села и стала считать по-другому. Я выпросила у священника старую книгу — не святую, а счётную, из тех, где пишут, что привезли и что увезли, — и перевернула её чистой стороной. И записала всё, что знала.

Илав: девушка, осенью. Скалица: девушка, весной. Подградье: наша Анна, в июне. Зять мельника из Трновца: жена ушла в замок в услужение, вернулась через год, не говорила и вскоре умерла. Дочь кожевника: пошла наниматься, не вернулась, искать не пошли.

Пять.

Пять имён за три года, о которых я слышала, живя на мельнице, где никто ничего не знает.

Я была не грамотейка и не следователь. Я была девушкой, которая умеет считать, а счёт — это штука упрямая: если у тебя на входе пять, а на выходе ноль, значит, где-то есть дверь.

Дверь была в замке, и в замке была моя сестра, и в августе, за неделю до Успения, я пошла к отцу и сказала:

— Отдай меня в замок.

Он сидел на мешках и чинил упряжь, которой не пользовались.

— Нет, — сказал он.

— У тебя долг. Они берут в счёт долга. Возьми меня, и долг закроется.

— Нет.

— Тогда я пойду сама и скажу, что я твоя дочь и что ты согласен.

Он посмотрел на меня так, как никогда не смотрел, — не как на некрасивую дочь, а как на человека, которого он боится.

— Она тебя не возьмёт, — сказал он. — Ты не годишься.

— Я умею считать, — сказала я. — Скажи им, что я умею читать.

Отец долго молчал.

— Они как раз ищут такую, — сказал он наконец. — Мне говорил управляющий. Им нужна та, что умеет писать: старая умерла, а новая ещё не нанята. — Он поднял на меня глаза. — Но ты не понимаешь, о чём просишь.

— Понимаю.

— Нет, — сказал он. — В том и дело, что нет.

Он был прав. Но если бы я тогда понимала, я бы не пошла, и тогда случилось бы всё то же самое, только без меня, а без меня никто бы этого не записал.

Меня взяли через три дня. Управляющий, тот самый человек в сером кафтане, приехал сам, посмотрел на мои руки, велел прочесть вслух молитву и страницу из Евангелия, послушал и сказал:

— Пишет она, конечно, как курица лапой, но курица у нас одна, и та дохлая. — Он усмехнулся своей шутке. — Собирайся. В замке не спрашивают, в замке отвечают. Увидишь госпожу — не поднимай глаз. Увидишь зеркало — не смотри в него. Спросят — говори правду, но не всю.

— А если спросят «всю»?

Он посмотрел на меня с неожиданным интересом.

— Тогда, — сказал он, — ты и будешь той, которую мы искали.

Мы выехали в четверг, до рассвета, и к полудню я уже стояла во дворе Чахтице, в пыли, с узелком, и смотрела, как над крышей замка — над самой высокой, той, где два окна и оба закрыты ставнями, — кружит и не может сесть птица.

Всю дорогу я считала. Я насчитала четырнадцать остановок, три реки, шесть деревень, две виселицы и сорок восемь покосившихся крестов. И один раз, когда дорога пошла в гору и замок показался из-за леса — чёрный, длинный, с четырьмя башнями, из которых две были без крыш, — я насчитала в нём, по фасаду, пятьдесят два окна.

Через год я знала, что в замке сорок девять комнат, и что в девяти из них никто не спит, и что в трёх никогда не открывают ставни.

А женщина, которая наняла меня считать, жила в одной.

На полях описи:

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Записала: Дорка пришла к вечерне, ушла в к вечерне. Больше ничего.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Проверить по описи: 4 простыней, 4 скатертей, 4 гребней.

Счёт за на рассвете. Свечей сальных — 4; соли — 4 мер; вина — 4 бочонка. Отдельной строкой: за починку замка в северном крыле — 4 гульденов, мастер не назван.

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

Допрос, лист 310. Вопрос: кто дал воду? Ответ: «Воды не было, была миска». Записано со слов, подпись свидетеля неразборчива.

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

Пометка:

Записать отдельно: свеча сгорела за 2 часов, и я успела переписать лист.

Пометка: имя Иллеш есть в книге прихода, обратной записи нет.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Пометка: имя Иллеш есть в книге прихода, обратной записи нет.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну.

Крайчи пересчитывал гульдены в нижней палате.

— Зачем тебе это? — Чтобы потом было чем ответить.

Опись — единственное, чего нельзя отнять, если она уже переписана в трёх списках.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Счёт за в полночь. Свечей сальных — 118; соли — 118 мер; вина — 118 бочонка. Отдельной строкой: за починку замка в северном крыле — 118 гульденов, мастер не назван.

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

«Марица, пишу тебе не обвинение, а просьбу: проверь по книге прихода имена, что приложены».

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

«писарь, если тебя спросят, откуда список, скажи: от счётчицы. Счётчица — это должность, а не имя».

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами.

Турзо точил перо в подвале.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Правда здесь никого не интересовала; интересовала опись.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом.

Сечени прятал лист под передник на рынке в Трнаве.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

Турзо носил воду в костёле.

— Ты записала и это? — Записала. Слово в слово.

В этом доме у каждой вещи был счёт, кроме людей.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

«Турзо, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. В прачечной вода в корыте была серой.

Марица писала письмо в нижней палате.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

Допрос, лист 172. Вопрос: кто дал воду? Ответ: «Воды не было, была миска». Записано со слов, подпись свидетеля неразборчива.

Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

В прачечной вода в корыте была серой. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

Дорка пришивала воротник в комнате у графини.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

В прачечной вода в корыте была серой. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока. На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами.

Регина грела руки у свечи в бельевой.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

На дворе лаяла собака и внезапно умолкала. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок.

писарь ждал у двери на рынке в Трнаве.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

«Дорка, бумага с печатью за одиннадцать месяцев стоит дешевле, чем молчание за один день».

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

Запись в книге:

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Проверить по описи: 21 простыней, 21 скатертей, 21 гребней.

Сегодня в замке 118 человек прислуги; в августе было больше.

Проверить по описи: 1 простыней, 1 скатертей, 1 гребней.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь.

Дорка прятала лист под передник у камина.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

«графиня, если тебя спросят, откуда список, скажи: от счётчицы. Счётчица — это должность, а не имя».

Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну.

Ката смотрела в окно на дорогу в комнате у графини.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

Счёт за на рассвете. Свечей сальных — 4; соли — 4 мер; вина — 4 бочонка. Отдельной строкой: за починку замка в северном крыле — 4 гульденов, мастер не назван.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Запись в книге:

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

* * *

Ключница встретила меня в сенях, где пахло воском и мокрой шерстью, и первое, что она сделала, — взяла меня за подбородок и повернула лицо к свету.

— Некрасивая, — сказала она удовлетворённо. — Это хорошо. Красивых здесь долго не держат.

Её звали Катарина. Ей было под пятьдесят, у неё были сухие руки и одно веко ниже другого, и она говорила так, будто всё, что она произносит, она уже говорила много раз и каждый раз без толку.

— Правила простые, — сказала она, ведя меня по коридору, где на стенах висели оленьи рога, и часть рогов была обломана. — Работаешь в счётной, с семи до темна. Пишешь, что тебе дают, и то, что у тебя просят. Кладовые считаешь в первую субботу месяца, при мне. Ключи от кладовых не у тебя. В верхние комнаты ходишь только когда позовут, и только по лестнице у часовни, не по главной. По главной лестнице ходит госпожа, и если ты попадёшься ей под ноги, она тебя не ударит — она тебя просто не заметит, а потом тебя не будет.

— Куда не будет?

— Никуда, — сказала Катарина. — Просто не будет.

Мы прошли под аркой, и я увидела внутренний двор: два колодца, навес, под навесом — стол, за которым двое слуг щипали птицу. Гусиное перо летело по двору и садилось на воду в колодце, и никто его не вылавливал.

— Где моя сестра? — спросила я.

Катарина остановилась.

— Как зовут?

— Анна. Из Немецкого Подградья. Пришла в июне, в счёт долга отца.

Ключница смотрела на меня долго, и её нижнее веко дёрнулось.

— Нет у нас такой, — сказала она.

— Есть.

— Нет, — сказала она. — В бельевой три девки: Илона, Марица и Ката. В верхних — две: Зуза и Регина. На кухне — четыре. В прачечной — две, и одна из них дурочка, её нельзя считать. Всего одиннадцать. Я знаю всех одиннадцать по именам, и Анны среди них нет.

Одиннадцать.

У меня в ушах стало тихо, как бывает перед грозой, когда воздух густеет и всё внутри уха начинает звенеть.

— А были? — спросила я. — Раньше. Кто-нибудь был.

Катарина повернулась и пошла дальше, и я пошла за ней, потому что мне больше некуда было идти.

— Ты будешь жить в счётной, — сказала она на ходу. — Там есть лежанка за шкафом, её раньше занимала Магда, а Магда ушла. Одеяло её, оно чистое. Свечей тебе в месяц четыре, больше не проси. Ешь с кухни, но не в кухне: у нас не любят, когда прислуга сидит. И вот ещё что, девка.

Она открыла дверь в конце коридора и пропустила меня вперёд.

— Здесь ты не спрашиваешь, где люди. Здесь ты спрашиваешь, где вещи. Запомни разницу, и, может быть, доживёшь до Рождества.

Счётная была узкая комната под самой крышей, с одним окном в ладонь шириной, затянутым бычьим пузырём. Стол, скамья, полка, на полке — книги в кожаных обложках, и на верхней полке, отдельно, лежало три вещи: песочные часы без песка, огарок свечи и маленькое зеркало в оловянной оправе, повёрнутое стеклом к стене.

Я знала, что надо смотреть не на зеркало. Я смотрела на зеркало.

Оно было старое и мутное по краям, и в нём отражалась стена напротив — каменная, с трещиной, — и ничего больше, потому что оно стояло стеклом к стене.

— Оно чьё? — спросила я.

— Магдино, — сказала Катарина.

— А Магда где?

Ключница посмотрела на меня, и в её лице не было ни жалости, ни злорадства, а было что-то хуже: терпение.

— Магда, — сказала она, — ушла в четверг.

— Куда?

— В четверг.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

Я села на лежанку, и первое, что я сделала, — это то, что делаю всю жизнь: посчитала. Шесть шагов от двери до стола. Двадцать три книги на полке. Четыре свечи, как обещано, стоят в глиняной чашке. На часах деления на двенадцать, а песка нет. У зеркала трещина в оправе, и оправа повёрнута к стене.

И на подоконнике, в углу, за камнем, лежала лента. Узкая, шёлковая, когда-то красная, теперь бурая, с одной вышитой буквой: А.

Я узнала эту ленту. Я сама её нашивала.

На дворе лаяла собака и внезапно умолкала. В бельевой пахло мылом и сыростью.

писарь носил воду у камина.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

В тетради счётной:

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Записать отдельно: свеча сгорела за 7 часов, и я успела переписать лист.

«Иллеш, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

На полях описи:

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Сегодня в замке 4 человек прислуги; в августе было больше.

Записать отдельно: свеча сгорела за 21 часов, и я успела переписать лист.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Пометка:

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Записать отдельно: свеча сгорела за 3 часов, и я успела переписать лист.

Записала: Крайчи пришла к вечерне, ушла в к вечерне. Больше ничего.

«Дорка, здесь все знают и все говорят шуткой — шутка делает так, чтобы это не считалось».

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями.

Юрай пересчитывал гульдены в костёле.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

На дворе лаяла собака и внезапно умолкала. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

Иллеш грел руки у свечи в счётной.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

«Иллеш, пишу тебе не обвинение, а просьбу: проверь по книге прихода имена, что приложены».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

писарь ставил печать на дворе.

— Ты понимаешь, что тебя могут выгнать? — Понимаю. Но листы уже переписаны.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

Допрос, лист 217. Вопрос: кто дал воду? Ответ: «Воды не было, была миска». Записано со слов, подпись свидетеля неразборчива.

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

«Иллеш, пишу тебе не обвинение, а просьбу: проверь по книге прихода имена, что приложены».

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

Регина ставила печать на лестнице.

— Ты записала и это? — Записала. Слово в слово.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Допрос, лист 232. Вопрос: кто дал воду? Ответ: «Воды не было, была миска». Записано со слов, подпись свидетеля неразборчива.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене.

Юрай носил воду в костёле.

— Здесь все так делают. — Вот поэтому я и записываю.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу.

Сечени прятал лист под передник в бельевой.

— Ты записала и это? — Записала. Слово в слово.

Правда здесь никого не интересовала; интересовала опись.

На дворе лаяла собака и внезапно умолкала. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

Расход замка, в шесть утра. На пир — 1 гульденов; на лошадь — 1; на бумагу — 1. На полях помета другой рукой: «много бумаги для дома, где не читают».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

В тетради счётной:

Записать отдельно: свеча сгорела за 7 часов, и я успела переписать лист.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом.

Ката приносила дрова на кухне.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

Приходская книга, страница 61. Крещено — 7; венчано — 7; погребено — 7, из них детей — 7.

Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

Крайчи записывал имя у колодца.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

В бельевой пахло мылом и сыростью. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

«Крайчи, пишу тебе не обвинение, а просьбу: проверь по книге прихода имена, что приложены».

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

Запись в книге имён. писарь, пришла в полдень из на кухне; записано: «дальнейшее неизвестно». Проверено по книге прихода: имя значится. Обратной записи нет.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Опись имущества, лист 312. Простыни полотняные — 118; скатерти — 118; посуда оловянная — 118 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 118 гульденов.

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

На полях описи:

Записала: писарь пришла в шесть утра, ушла в в шесть утра. Больше ничего.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Записать отдельно: свеча сгорела за 2 часов, и я успела переписать лист.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Записать отдельно: свеча сгорела за 1 часов, и я успела переписать лист.

* * *

Работа в счётной оказалась именно такой, как обещали: скучной до тошноты и полной чисел.

Мне приносили записки и говорили: «Запиши». Записки были от кухни, от прачечной, от конюшни, от кладовщика, от садовника, от двух старух, которые ткали полотно. Я переписывала их в книгу ровным, насколько могла, почерком: сколько взято муки, сколько выдано мыла, сколько пошло воска на свечи для верхних комнат, сколько — на людские.

Считать чужой расход — это как читать чужую жизнь по следам на снегу. Очень скоро я знала всё, что в замке едят, во что одеты, чем стирают и сколько тратят на свет. Знала, что в замке живут сорок девять человек, из которых двадцать шесть — прислуга, девять — люди управляющего, четверо — солдаты охраны, шестеро — родня ключницы и экономки, и ещё четверо, которых я не могла отнести никуда.

Знала, что в замке есть комната, которая в описи называется «тихой», и что в неё не выдают ни свечей, ни белья.

Знала, что верхние комнаты расходуют воска больше, чем весь остальной замок, вместе с кухней и часовней.

Знала, что простыни в бельевой меняют чаще, чем это возможно.

И знала, что каждую субботу, сразу после вечерней молитвы, в прачечную приносят корзину, которую принимает не прачка, а лично ключница, и что из корзины потом выбрасывают в реку то, что не отстирывается.

В первую субботу я не поняла. Во вторую — записала. В третью — спросила.

— Катарина, — сказала я, когда мы закрывали кладовую, — почему в бельевой убыло двенадцать простыней, а в расходе за месяц стоит девять?

Она переложила ключи с ладони на ладонь.

— Потому что три испортили, — сказала она.

— Как испортили?

— Кровью, — сказала Катарина спокойно. — У нас тут, девка, кровь идёт не по календарю. У нас тут кровь идёт по нужде.

— Чьей?

Она посмотрела на меня, и я поняла, что вопрос я задала вслух, а вслух его задавать было нельзя.

— Госпожа больна, — сказала она наконец, тихо и очень ровно. — У неё падучая. Ты будешь здесь четыре года и услышишь, как это бывает: она падает, и её бьёт, и она не помнит себя. При падучей помогает одно — горячее и кровь. Это не грех. Это лечение.

— Кровь чья?

— Не твоя, — сказала Катарина. — Пока не твоя.

Она закрыла кладовую, повесила ключи на пояс и пошла, и в конце коридора обернулась:

— И вот что. Ты спрашиваешь, где люди. Тебе сказали: спрашивай, где вещи. Но раз уж ты не слушаешь: вещи, девка, тоже имеют обыкновение уходить. Двенадцать простыней — это не кровь. Двенадцать простыней — это когда на простыне лежал человек, а потом его скатали в эту простыню, и простыня стала тем, что не отстирывается.

В прачечной вода в корыте была серой. На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями.

Сечени грел руки у свечи в коридоре замка.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Приходская книга, страница 463. Крещено — 12; венчано — 12; погребено — 12, из них детей — 12.

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок.

Сечени пересчитывал гульдены на мельнице.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. На дворе лаяла собака и внезапно умолкала.

Иллеш мыл пол в счётной.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. В прачечной вода в корыте была серой.

писарь ждал у двери на кухне.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Правда здесь никого не интересовала; интересовала опись.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

На полях описи:

Пометка: имя графиня есть в книге прихода, обратной записи нет.

Записать отдельно: свеча сгорела за 118 часов, и я успела переписать лист.

Пометка: имя графиня есть в книге прихода, обратной записи нет.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

«Иллеш, бумага с печатью за одиннадцать месяцев стоит дешевле, чем молчание за один день».

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

Юрай ждал у двери на лестнице.

— Зачем тебе это? — Чтобы потом было чем ответить.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь.

Ката ставила печать у камина.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

В тетради счётной:

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Пометка: имя Сечени есть в книге прихода, обратной записи нет.

Допрос, лист 232. Вопрос: кто дал воду? Ответ: «Воды не было, была миска». Записано со слов, подпись свидетеля неразборчива.

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков.

Крайчи пришивал воротник в коридоре замка.

— Ты понимаешь, что тебя могут выгнать? — Понимаю. Но листы уже переписаны.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока.

Сечени приносил дрова у конюшни.

— Ты понимаешь, что тебя могут выгнать? — Понимаю. Но листы уже переписаны.

Отец Юрай говорил тихо, потому что громко здесь не получалось.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. В бельевой пахло мылом и сыростью.

Регина сверяла даты у камина.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине.

графиня пришивала воротник на мельнице.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи.

графиня пересчитывала гульдены на дворе.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Отец Юрай говорил тихо, потому что громко здесь не получалось.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

На полях описи:

Сегодня в замке 1 человек прислуги; в августе было больше.

Пометка: имя Турзо есть в книге прихода, обратной записи нет.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

«Дорка, здесь все знают и все говорят шуткой — шутка делает так, чтобы это не считалось».

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

На полях описи:

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Проверить по описи: 21 простыней, 21 скатертей, 21 гребней.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. В бельевой пахло мылом и сыростью.

Юрай пришивал воротник у конюшни.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

В тетради счётной:

Проверить по описи: 0 простыней, 0 скатертей, 0 гребней.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Пометка: имя Регина есть в книге прихода, обратной записи нет.

Проверить по описи: 12 простыней, 12 скатертей, 12 гребней.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. У колодца стояло ведро и в нём плавал лист.

писарь приносил дрова в бельевой.

— Ты понимаешь, что тебя могут выгнать? — Понимаю. Но листы уже переписаны.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

* * *

В ту ночь я впервые услышала шаги над потолком.

Счётная была под крышей, и над ней ничего не было — только черепица и стропила, я видела это из окна. Но в третьем часу, когда я уже засыпала, по крыше прошли шаги: медленные, ровные, босые. Они дошли до края и пошли обратно. И так — семь раз.

Я лежала и считала. Когда шаги стихли, я встала, зажгла свечу и открыла книгу.

На чистой странице, где кончался июль, я приписала:

«Над счётной ходит кто-то. 7 проходов. Босой. Начало в 3 часу. Конец в 3 часу с половиной».

А ниже, потому что я уже тогда понимала, что пишу не для себя:

«Если я перестану это писать, значит, со мной случилось то же, что с Анной. Тогда читай, кто бы ты ни была: ищи того, кто приносит корзину в субботу».

Утром я спросила про шаги у слуги, который носил воду. Он вылил воду в кадку, вытер руки и сказал:

— Это не по крыше.

— А по чему?

— По чердаку, — сказал он. — Только чердак в той стороне дома завален. Там с оползня двадцать лет никого не было. — Он поднял ведро и добавил, уже уходя: — Ты считать умеешь. Посчитай, сколько лет тут никто не ходит, и удивись.

Глава 2. Графиня считает лучше меня

Меня позвали на девятый день.

До этого я девять дней жила в замке и не видела хозяйку ни разу. Я знала о ней только по расходу: на её комнаты шло воска втрое больше, чем на все остальные; на её бельё шло полотно, которое ткали две старухи в подвале и которое нельзя было купить ни в Новом Месте, ни в Трнаве; на её стол шло вино, которое привозили из Токая в бочках с двойной печатью; и на её лечение шло то, что в описи было записано словом, которое я сначала не поняла, а потом поняла слишком хорошо: «содержание».

«Содержание» стояло в графе расходов наравне с овсом и дровами и тянуло на шесть гульденов в месяц.

Шесть гульденов в месяц — это была плата двух служанок.

Меня позвали в четверг, к вечерне, через ту самую лестницу у часовни. Катарина шла впереди и держала свечу так, чтобы свет падал на ступени, а не на стены; я потом узнала, почему: на стенах этой лестницы висели портреты, и один из них, самый тёмный, был повёрнут лицом к стене, и Катарина не хотела, чтобы я его видела.

Верхний коридор был длиннее нижнего, и в нём было холоднее, чем во дворе. Я это отметила и записала потом: холод в верхнем коридоре не зависит от погоды. Зимой и летом там одно и то же — как в колодце.

Дверь в конце коридора была обита зелёным сукном и обита недавно: сукно было новое, а гвозди, которыми его прибили, уже проржавели. Это значит, что дверь обили, а потом долго не открывали, и обили её не для того, чтобы входить.

Катарина постучала три раза и, не дожидаясь ответа, отступила на шаг.

— Входи, — сказали изнутри.

Голос был низкий, ровный, без всякой болезни. Позже я слышала этот голос в бреду, в молитве, в приказе и в смехе, и он всегда звучал одинаково — так, будто его обладательница давно решила, что повышать голос неприлично, и с тех пор не повышала ни разу.

Я вошла.

Комната, в которую я попала, была не похожа на всё, что я видела в этом замке. Здесь было тепло. Здесь стояли два сундука, обитых бархатом, стол с наклонной доской для письма, шкаф с книгами, ковёр, и в углу — большая кровать под пологом, и полог был задёрнут не до конца, и внутри было темно.

А на стене напротив окна висело зеркало, и оно было завешено чёрным.

Не так, как вешают, когда убирают комнату. Оно было завешено наглухо, ткань прибита по краям гвоздиками, и по нижнему краю ткани шёл ряд мелких тёмных точек — я потом поняла, что это, — воск. Свечной воск, капли, которые стекали по стеклу и застыли, а ткань прибили поверх.

Графиня сидела у стола. Ей было под пятьдесят, и она была красива той красотой, которая не боится дневного света: узкое лицо, высокий лоб, тяжёлые тёмные волосы, уложенные в две косы вокруг головы, — как у Анны, только у Анны это было девичьим венцом, а здесь было короной. Она была в чёрном и в белом, и на пальцах у неё было четыре кольца, и она держала перо.

— Подойди, — сказала она.

Я подошла на четыре шага и остановилась, как учили.

— Ближе.

Я подошла ещё на два. Она подняла глаза от бумаги, и я увидела, что у неё глаза серые, очень светлые, и что левый зрачок шире правого.

— Как тебя зовут?

— Дорка.

— Дорка — это Дороття.

— Да, госпожа.

— Дороття, — сказала она и записала. Потом посмотрела на меня внимательнее. — Ты не боишься.

— Боюсь, — сказала я.

— Нет. — Она положила перо. — Ты не боишься. Ты считаешь. У тебя глаза считают: ты вошла и уже посчитала, сколько здесь свечей, сколько книг, сколько шагов до двери. Я это вижу, потому что я делаю то же самое.

Я молчала.

— Мне сказали, что ты умеешь писать и считать и что ты из Подградья. — Она взяла другой лист и стала читать вслух, ровно, без выражения: — «Кладовщику. Выдать в счёт жалованья прачке Илоне полотно на две рубахи. Полотно взять из того, что ветхое, но не гнилое. Не из нового, новое — на стол». — Она подняла глаза. — Это писала ты?

— Я.

— «Ветхое, но не гнилое». — Она улыбнулась одними губами. — Ты понимаешь разницу между ветхим и гнилым. Половина моих людей не понимает. Половина моих людей думает, что если вещь ещё держится, значит, она годится, а если развалилась — значит, надо новую. А между этими двумя состояниями — вся жизнь, Дороття. Всё, что держится, уже ветхое, и всё, что держится, ещё годится.

— Да, госпожа.

— Садись. — Она показала на скамью у стола. — И пиши. Много, быстро, не разбирая. Я буду диктовать.

И она начала диктовать.

Это было письмо в Вену, к человеку, которого она называла «мой брат по бумаге», и речь в нём шла о деньгах. Очень много денег. Заём под залог двух имений, проценты, сроки, поручители, штрафы за просрочку. Она диктовала ровно, и я писала, и в какой-то момент поймала себя на том, что не успеваю, и она это заметила и стала диктовать медленнее, и ни разу не повысила голос.

Когда я закончила третью страницу, она сказала:

— Читай.

Я прочла.

— Ты пропустила слово.

Я посмотрела. Она была права: в третьей строке сверху, в перечислении, я пропустила одно слово — «заложенное».

— Простите, госпожа.

— Не прощайся, — сказала она. — Считай. — Она встала и подошла к окну, и я увидела, что она ходит, чуть приволакивая левую ногу. — Я тебе скажу, что ты сделала, а ты мне скажешь, права ли я. Ты писала и считала про себя: сколько строк, сколько слов, сколько осталось места до края. Ты считала красиво, у тебя счёт ровный. А потом на слове «заложенное» ты сбилась, потому что в этот момент за стеной упало что-то тяжёлое, и ты стала считать это.

Я замерла.

За стеной действительно упало что-то тяжёлое. Я услышала это краем уха и не отметила, но рука моя отметила, и слово выпало.

— Я права?

— Да, госпожа.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь ты знаешь главное про этот замок. Здесь всегда что-то падает за стеной. Если ты будешь каждый раз это считать, ты не допишешь ни одной

страницы. — Она вернулась к столу. — А теперь скажи мне, что ты уже посчитала с тех пор, как вошла.

Я думала недолго.

— Что здесь двадцать девять свечей, — сказала я, — а в описи за этот месяц на вашу комнату выдано двенадцать.

Она засмеялась. Смех у неё был короткий, сухой, и в нём не было ни капли веселья.

— Двадцать девять, — сказала она. — Хорошо. Продолжай.

— Что зеркало завешено наглухо и прибито, а воск под тканью старый, ему много лет, — сказала я. — Значит, его завесили не вчера и не оттого, что в комнате кто-то умер.

— Продолжай.

— Что у вас под кроватью стоит сундук, а на нём лежит сложенное белье, и белье это не ваше, оно простое, девичье. — Я слышала, как у меня колотится сердце. — И что от кровати до двери тринадцать шагов, а вы ходите, приволакивая левую ногу, и левой ногой вы не дойдёте — вам нужно держаться за стену. Но вы не держитесь. Значит, вы ходите быстро, когда вас никто не видит.

Тишина в комнате стала такой, что я услышала, как в углу капает воск.

Графиня смотрела на меня, и её левый зрачок сузился, а правый остался широким.

— Как тебя зовут? — спросила она снова.

— Дорка.

— Нет, — сказала она. — Дороття. Дороття из Подградья. — Она села и придвинула ко мне лист. — Ты будешь приходить ко мне каждый вечер после вечерни. Будешь писать, что я скажу, и читать, что я дам, и говорить мне всё, что посчитаешь. Всё, слышишь? Не то, что прилично, а то, что посчитала.

— А если я посчитаю что-нибудь про вас?

Она подняла брови.

— Тогда я узнаю, — сказала она, — что ты наконец начала работать.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков.

Регина сверяла даты в подвале.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Она не верила в чудеса и поэтому замечала всё остальное.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

Счёт за к вечерне. Свечей сальных — 7; соли — 7 мер; вина — 7 бочонка. Отдельной строкой: за починку замка в северном крыле — 7 гульденов, мастер не назван.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну.

Иллеш пересчитывал гульдены на дворе.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {T}.

Запись в книге:

Записала: Турзо пришла на рассвете, ушла в на рассвете. Больше ничего.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Проверить по описи: 7 простыней, 7 скатертей, 7 гребней.

Сегодня в замке 21 человек прислуги; в августе было больше.

Записать отдельно: свеча сгорела за 0 часов, и я успела переписать лист.

На полях описи:

Записать отдельно: свеча сгорела за 7 часов, и я успела переписать лист.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

В бельевой пахло мылом и сыростью. В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь.

Сечени точил перо на мельнице.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

На полях описи:

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Сегодня в замке 40 человек прислуги; в августе было больше.

Пометка: имя писарь есть в книге прихода, обратной записи нет.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

Иллеш записывал имя на рынке в Трнаве.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

В этом доме у каждой вещи был счёт, кроме людей.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

писарь пересчитывал гульдены на лестнице.

— Что записываешь, Дорка? — Простыни, госпожа. Людей в опись не вносят.

Отец Юрай говорил тихо, потому что громко здесь не получалось.

На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене.

Юрай ждал у двери на рынке в Трнаве.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

В этом доме у каждой вещи был счёт, кроме людей.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {T}.

«графиня, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Запись в книге:

Пометка: имя Крайчи есть в книге прихода, обратной записи нет.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Записала: Марица пришла на рассвете, ушла в на рассвете. Больше ничего.

Запись в книге:

Сегодня в замке 40 человек прислуги; в августе было больше.

Записала: Крайчи пришла в полночь, ушла в в полночь. Больше ничего.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Записать отдельно: свеча сгорела за 7 часов, и я успела переписать лист.

В бельевой пахло мылом и сыростью. На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями.

писарь считал шаги до палаты в подвале.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В прачечной вода в корыте была серой. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

Ката приносила дрова в подвале.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

Запись в книге имён. Юрай, пришла к вечерне из на мельнице; записано: «дальнейшее неизвестно». Проверено по книге прихода: имя значится. Обратной записи нет.

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В тетради счётной:

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Проверить по описи: 21 простыней, 21 скатертей, 21 гребней.

Пометка:

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Сегодня в замке 7 человек прислуги; в августе было больше.

Сегодня в замке 4 человек прислуги; в августе было больше.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Записала: Ката пришла в шесть утра, ушла в в шесть утра. Больше ничего.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок.

Ката мыла пол на мельнице.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

* * *

В ту ночь я вернулась в счётную, села за стол и записала всё. Руки у меня тряслись, и я записывала неровно, и потом не могла разобрать двух слов.

Я записала: «29 свечей при 12 выданных». Записала: «ходить быстрее, чем показывает». Записала: «бельё девичье под кроватью».

А потом записала то, чего не сказала ей вслух.

Что у неё на правой руке, у большого пальца, была свежая царапина — глубокая, как от ножа, и что, когда она диктовала, она касалась этой царапины безымянным пальцем, всё время, каждый раз после слова «кровь».

И что весь вечер, пока она говорила, в комнате стоял запах. Не ладана, не воска, не духов. Сладковатый, мясной, очень слабый — такой бывает от бойни, если бойня за стеной, а окно закрыто.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. У колодца стояло ведро и в нём плавал лист.

писарь переписывал опись в комнате у графини.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Приходская книга, страница 153. Крещено — 0; венчано — 0; погребено — 0, из них детей — 0.

Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда.

Сечени пришивал воротник у колодца.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок.

Турзо разбирал бумаги у конюшни.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

«Юрай, если тебя спросят, откуда список, скажи: от счётчицы. Счётчица — это должность, а не имя».

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Допрос, лист 344. Вопрос: кто дал воду? Ответ: «Воды не было, была миска». Записано со слов, подпись свидетеля неразборчива.

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока.

писарь приносил дрова на рынке в Трнаве.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

В бельевой пахло мылом и сыростью. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Пометка:

Пометка: имя Иллеш есть в книге прихода, обратной записи нет.

Записала: Юрай пришла в полдень, ушла в в полдень. Больше ничего.

Сегодня в замке 118 человек прислуги; в августе было больше.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Опись имущества, лист 52. Простыни полотняные — 21; скатерти — 21; посуда оловянная — 21 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 21 гульденов.

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {T}.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. В прачечной вода в корыте была серой.

графиня прятала лист под передник в комнате у графини.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

Правда здесь никого не интересовала; интересовала опись.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. На дворе лаяла собака и внезапно умолкала.

Юрай точил перо в кладовой.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

На дворе лаяла собака и внезапно умолкала. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

На полях описи:

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Записать отдельно: свеча сгорела за 0 часов, и я успела переписать лист.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

На полях описи:

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Записать отдельно: свеча сгорела за 12 часов, и я успела переписать лист.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Опись имущества, лист 42. Простыни полотняные — 40; скатерти — 40; посуда оловянная — 40 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 40 гульденов.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь.

Крайчи переводил с латыни в подвале.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

В этом доме у каждой вещи был счёт, кроме людей.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

Крайчи пересчитывал гульдены в комнате у графини.

— Зачем тебе это? — Чтобы потом было чем ответить.

Опись — единственное, чего нельзя отнять, если она уже переписана в трёх списках.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

В тетради счётной:

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Пометка: имя писарь есть в книге прихода, обратной записи нет.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда.

Юрай точил перо в комнате у графини.

— Зачем тебе это? — Чтобы потом было чем ответить.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. В бельевой пахло мылом и сыростью.

Регина записывала имя у камина.

— Зачем тебе это? — Чтобы потом было чем ответить.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

* * *

Она позвала меня на следующий день, и на следующий, и так — двадцать семь дней.

Я буду писать об этих вечерах подробно, потому что именно там я и поняла всё, что потом случилось. Днём я считала муку и мыло. Вечером я сидела в тёплой комнате с завешенным зеркалом и слушала, как самая страшная женщина в Венгрии диктует мне письма о процентах.

Она была умна так, как умны люди, которым не с кем поговорить. Она знала четыре языка и на всех четырёх говорила лучше моего отца, который знал один. Она читала Цицерона и считала в уме лучше меня — я это проверяла, диктуя ей счёты: она складывала четыре числа, не глядя на бумагу, и никогда не ошибалась. Она знала, сколько в её владениях деревень, сколько в них душ, сколько бочек вина даёт каждая, и сколько можно взять, чтобы не начался голод.

— Голод, — сказала она однажды, — это когда ты взял столько, что на следующий год тебе не с кого брать. Не жалость, Дороття. Расчёт. Жалость — это когда ты не берёшь совсем и разоряешься. Обе крайности — глупость, и обе ведут к одному: к пустому амбару.

— А если человек умирает от того, что вы взяли?

— Тогда он умирает не от того, что я взяла, — сказала она спокойно. — Он умирает от того, что у него не было запаса. Мой долг — брать с умом. Его долг — иметь запас. Так устроено, и не я это устроила. — Она помолчала. — Хочешь знать, кто это устроил? Бог. Спроси у отца Юрая, он тебе объяснит, что мы все друг другу должны и что долги прощаются. Только прощаются они на том свете, а живём мы на этом.

Я слушала и записывала, и иногда мне казалось, что я разговариваю с самой умной женщиной, какую встречу в жизни.

А потом наступал вечер, когда она падала.

«Турзо, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом.

Турзо писал письмо в кладовой.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь.

Иллеш считал простыни в комнате у графини.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Отец Юрай говорил тихо, потому что громко здесь не получалось.

В прачечной вода в корыте была серой. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу.

писарь пришивал воротник в малой зале.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

«Турзо, здесь все знают и все говорят шуткой — шутка делает так, чтобы это не считалось».

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

Опись имущества, лист 229. Простыни полотняные — 3; скатерти — 3; посуда оловянная — 3 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 3 гульденов.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене.

Дорка смотрела в окно на дорогу в комнате у графини.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене.

графиня точила перо у камина.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {T}.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине.

Марица мыла пол на рынке в Трнаве.

— Здесь все так делают. — Вот поэтому я и записываю.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда.

писарь смотрел в окно на дорогу в кладовой.

— Здесь все так делают. — Вот поэтому я и записываю.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

«Марица, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. У колодца стояло ведро и в нём плавал лист.

Крайчи точил перо в комнате у графини.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок.

графиня считала простыни в бельевой.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

На дворе лаяла собака и внезапно умолкала. У колодца стояло ведро и в нём плавал лист.

Юрай пересчитывал гульдены на кухне.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Запись в книге:

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Записала: Марица пришла в полдень, ушла в в полдень. Больше ничего.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Проверить по описи: 3 простыней, 3 скатертей, 3 гребней.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. В бельевой пахло мылом и сыростью.

Юрай переписывал опись в малой зале.

— Что записываешь, Дорка? — Простыни, госпожа. Людей в опись не вносят.

В этом доме у каждой вещи был счёт, кроме людей.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Запись в книге имён. Иллеш, пришла в полночь из у конюшни; записано: «дальнейшее неизвестно». Проверено по книге прихода: имя значится. Обратной записи нет.

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

«Ката, здесь все знают и все говорят шуткой — шутка делает так, чтобы это не считалось».

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

* * *

Это случилось на одиннадцатый день, в воскресенье, после вечерни, при мне.

Мы писали письмо в Трнаву. Она диктовала, я писала, и вдруг она замолчала на половине слова. Я подняла глаза. Она сидела очень прямо, и её правая рука начала мелко трястись, и левый глаз ушёл в сторону.

— Госпожа?

Она не ответила. Потом её как будто ударили изнутри: она согнулась, и её вырвало на пол, и она упала со скамьи так, что ударилась виском о край стола.

Я не закричала. Я не знаю почему. Может, потому, что видела, как падает мать, и у меня в голове уже был этот счёт: подложить под голову, повернуть набок, разжать зубы, чтобы не откусила язык.

Я подложила ей под голову свою юбку. Она билась долго, минуты три, и в это время из её рта шла пена с кровью, потому что она прикусила щёку. Я держала её голову и считала, потому что иначе было нельзя: раз, два, три, четыре — и на семьдесят четвёртом счёте она затихла.

Она открыла глаза.

И вот тут стало страшно по-настоящему, потому что она не узнала меня.

Не так, как не узнают спросонья. Она смотрела на меня снизу, из-под моего лица, и в её глазах была такая глухая, тяжёлая ненависть, что я отшатнулась.

— Ты, — сказала она. Голос был чужой, сиплый, детский. — Опять ты.

— Госпожа, это я, Дороття, я вам писала...

— Ты пришла за ней, — сказала она. — Ты пришла за сестрой. Все приходят за сестрой. — Она попыталась сесть. — И все остаются.

У меня в горле стало сухо.

— Где она? — спросила я.

Графиня засмеялась — тем же сухим смехом.

— В тихой комнате, — сказала она. — Только она уже не в ней. Она в стене.

И она потеряла сознание.

Я сидела на полу рядом с ней, и на моих руках была её кровь, и за стеной что-то упало, тяжело, глухо, как мешок с зерном.

Я не позвала Катарину сразу. Я сначала — и это самое постыдное, что я сделала в жизни, — сначала я встала, подошла к кровати и подняла крышку того сундука, на котором лежало девичье бельё.

В сундуке лежали ленты. Двадцать три ленты, шёлковые, когда-то красные, теперь бурые, каждая с вышитой буквой, и я не стала читать буквы, потому что мне хватило одной: та, с буквой А, лежала сверху, и её я узнала.

Когда я обернулась, графиня уже сидела на полу и смотрела на меня.

— Положи, — сказала она. Спокойно, без злобы, тем самым ровным голосом, которым диктовала проценты. — Положи и иди. И запомни, Дороття: то, что ты сейчас видела, ты видела не у меня. Ты видела у себя.

— Что это значит?

— Это значит, — сказала она, — что у падучей нет памяти, а у тебя есть. И если ты расскажешь кому-нибудь, что я говорила в припадке, тебе не поверят, потому что я скажу, что ты украла ленты. И тебя высекут и выгонят. Или не выгонят. — Она поправила воротник. — У меня в замке много дверей, Дороття. Найдут ту, в которую тебя поставить.

Я положила ленты обратно и опустила крышку.

— Моя сестра жива? — спросила я.

Она посмотрела на меня очень долго.

— Нет, — сказала она.

И я впервые за все эти дни услышала в её голосе то, чего не слышала никогда: не насмешку и не приказ, а усталость человека, который очень давно знает ответ и очень устал его повторять.

Опись имущества, лист 427. Простыни полотняные — 3; скатерти — 3; посуда оловянная — 3 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 3 гульденов.

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В бельевой пахло мылом и сыростью. На мельнице мололи так, что дрожал пол.

писарь точил перо на мельнице.

— Ты понимаешь, что тебя могут выгнать? — Понимаю. Но листы уже переписаны.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Пометка:

Записать отдельно: свеча сгорела за 40 часов, и я успела переписать лист.

Пометка: имя графиня есть в книге прихода, обратной записи нет.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Сегодня в замке 118 человек прислуги; в августе было больше.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине.

Иллеш мыл пол в северном крыле.

— Кто тебя научил считать? — Мельница. Там всё считают, даже зерно в ладони.

Она не верила в чудеса и поэтому замечала всё остальное.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

Пометка:

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Пометка: имя Ката есть в книге прихода, обратной записи нет.

Записать отдельно: свеча сгорела за 40 часов, и я успела переписать лист.

Записала: Турзо пришла к вечерне, ушла в к вечерне. Больше ничего.

На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока. В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь.

Турзо грел руки у свечи в счётной.

— Зачем тебе это? — Чтобы потом было чем ответить.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

Опись имущества, лист 73. Простыни полотняные — 4; скатерти — 4; посуда оловянная — 4 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 4 гульденов.

За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

«Ката, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В тетради счётной:

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Сегодня в замке 0 человек прислуги; в августе было больше.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Пометка: имя Турзо есть в книге прихода, обратной записи нет.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда.

писарь молчал и запоминал на дворе.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

В прачечной вода в корыте была серой. У колодца стояло ведро и в нём плавал лист.

Юрай переводил с латыни в костёле.

— Ты записала и это? — Записала. Слово в слово.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине.

Дорка ставила печать на кухне.

— Ты видела? — Я видела воду в миске. Больше ничего сказать не могу.

Она не верила в чудеса и поэтому замечала всё остальное.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок.

графиня носила воду в костёле.

— Зачем тебе это? — Чтобы потом было чем ответить.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну.

Юрай прятал лист под передник на лестнице.

— Что записываешь, Дорка? — Простыни, госпожа. Людей в опись не вносят.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

«Крайчи, здесь все знают и все говорят шуткой — шутка делает так, чтобы это не считалось».

Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

Ката точила перо на дворе.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

На полях описи:

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

«Турзо, пишу тебе не обвинение, а просьбу: проверь по книге прихода имена, что приложены».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока. В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь.

Иллеш мыл пол на мельнице.

— Зачем тебе это? — Чтобы потом было чем ответить.

Она не верила в чудеса и поэтому замечала всё остальное.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

* * *

Ночью я не спала и не считала.

Это было новое состояние: я лежала, и в голове у меня не было ни одного числа. Была только тихая комната, о которой я не знала, где она, и стена, о которой графиня сказала так, будто стены в этом доме — это тоже мебель.

В третьем часу над крышей опять пошли шаги. Семь проходов. Ровные, босые.

Я встала, натянула башмаки и вышла.

Коридор был тёмен так, что я шла, держась за стену, и стена вела меня, как ведёт река. Я знала, что мне нельзя. Я знала, что если меня встретит кто-нибудь из людей управляющего, то к утру я буду той, которую «высекли и выгнали», и никто не спросит, за что.

Мне было всё равно. Впервые в жизни мне было всё равно до такой степени, что я перестала считать.

Я прошла по нижнему коридору до поворота, где на стене висел ковёр, и за ковром была дверь. Я нашла её не потому, что знала: я нашла её потому, что в счётной книге за прошлый год было записано: «на ремонт двери под ковром в нижнем коридоре — 4 гроша, плотнику». Дверь, которую ремонтируют, — это дверь, которой пользуются.

Она была не заперта.

За ней шла лестница вниз — восемь ступеней, и на восьмой ступени лежал камень, отполированный подошвами до блеска. Я потом узнала, что по этой лестнице ходили столько лет, что камень стёрся на палец глубиной.

Внизу был коридор, и в конце его горел свет.

Я пошла на свет и остановилась в двух шагах от открытой двери.

Комната была небольшая, сводчатая, без окна. В ней стояла кровать с соломенным тюфяком, табурет и стол. На столе горели две свечи, и между ними стояла миска с водой. На кровати лежала девушка.

Она была жива. Я видела, как поднимается её грудь. Она лежала на спине, руки вдоль тела, глаза открыты, и она смотрела в потолок, не мигая.

Не связанная. Не привязанная. Просто лежала.

Рядом с кроватью сидела женщина в чёрном платке — та самая, я потом узнала, её звали Зуза, — и держала в руках мокрую тряпку. Она вытирала девушке лоб. Ровно, медленно, как вытирают посуду.

— Зуза, — сказала я.

Она не обернулась. Она даже не вздрогнула. Она сказала, не поднимая головы:

— Тебе тут нечего делать. Иди.

— Кто это?

— Это Ката.

Я знала это имя. Ката — третья в бельевой, та, что пришла в замок осенью, из Илава, та, кому «дали два платья».

— Она больна?

— Она тихая, — сказала Зуза.

— А что с ней?

Зуза наконец повернула голову. У неё было широкое крестьянское лицо и глаза человека, который давно перестал удивляться.

— Ты считать умеешь, — сказала она. — Посчитай. Сколько дней человек может лежать и не пить?

— Три. Может, четыре.

— Она лежит пять.

— Тогда она умрёт.

— Да, — сказала Зуза и снова принялась вытирать лоб.

Я стояла в дверях и не могла двинуться.

— Почему ты не дашь ей воды?

— Потому что тогда её будет тошнить, а тошнить ей нельзя.

— Почему?

Зуза выжала тряпку.

— Потому что её будут резать, — сказала она спокойно, — и если в ней будет вода, то в миску попадёт вода, а в миске должна быть кровь. Госпожа не любит, когда в крови вода.

Свечи горели ровно. Где-то капало.

— Кто её режет? — спросила я, и голос у меня был такой, будто я спрашиваю про погоду.

— Не я, — сказала Зуза. — Я держу свечу. И не ты, если у тебя есть ум. — Она подняла на меня глаза. — Ты новая, из счётной. Госпожа тебя зовёт писать. Ты ей нравишься. Это опасно, но это и защита: пока ты пишешь, тебя не трогают. Только ты не думай, что так будет всегда. Ты тоже когда-нибудь перестанешь быть нужной.

— Сколько их было?

— Кого?

— Тихих.

Зуза долго молчала. Потом сказала:

— Считай сама. Каждый месяц на бельё уходит двенадцать простыней сверх расхода. На каждую тихую — одна. — Она снова выжала тряпку. — Я тут четыре года. Посчитай, сколько это.

Я посчитала, и это заняло у меня меньше секунды, и я впервые в жизни пожалела, что умею считать быстро.

Пятьдесят семь.

«Иллеш, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

графиня переводила с латыни в кладовой.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

В этом доме у каждой вещи был счёт, кроме людей.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Приходская книга, страница 19. Крещено — 1; венчано — 1; погребено — 1, из них детей — 1.

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков.

Иллеш пришивал воротник в малой зале.

— Здесь все так делают. — Вот поэтому я и записываю.

Опись — единственное, чего нельзя отнять, если она уже переписана в трёх списках.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

В прачечной вода в корыте была серой. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

Турзо смотрел в окно на дорогу в счётной.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну.

Сечени приносил дрова на лестнице.

— Ты записала и это? — Записала. Слово в слово.

Правда здесь никого не интересовала; интересовала опись.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда.

Марица пересчитывала гульдены в коридоре замка.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

В этом доме у каждой вещи был счёт, кроме людей.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Приходская книга, страница 421. Крещено — 7; венчано — 7; погребено — 7, из них детей — 7.

Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

«графиня, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Пометка:

Записала: Иллеш пришла после полуночи, ушла в после полуночи. Больше ничего.

Записать отдельно: свеча сгорела за 40 часов, и я успела переписать лист.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине.

Регина носила воду у колодца.

— Что записываешь, Дорка? — Простыни, госпожа. Людей в опись не вносят.

Правда здесь никого не интересовала; интересовала опись.

На дворе лаяла собака и внезапно умолкала. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

«графиня, пишу тебе не обвинение, а просьбу: проверь по книге прихода имена, что приложены».

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Пометка:

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Пометка: имя Иллеш есть в книге прихода, обратной записи нет.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Пометка: имя Иллеш есть в книге прихода, обратной записи нет.

Запись в книге:

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине.

Юрай прятал лист под передник в кладовой.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. У колодца стояло ведро и в нём плавал лист.

Турзо пересчитывал гульдены в нижней палате.

— Здесь все так делают. — Вот поэтому я и записываю.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну.

Крайчи пришивал воротник в комнате у графини.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

Отец Юрай говорил тихо, потому что громко здесь не получалось.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

Регина точила перо на дворе.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу.

графиня молчала и запоминала у конюшни.

— Ты понимаешь, что тебя могут выгнать? — Понимаю. Но листы уже переписаны.

В замке всё держалось на счёте: любовь, страх и простыни.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

На гвозде висел передник, и от него шёл запах щёлока. На дворе лаяла собака и внезапно умолкала.

писарь записывал имя у колодца.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

* * *

Я вернулась в счётную перед рассветом и увидела, что дверь у меня открыта.

Я всегда закрывала дверь. Я закрывала её на щеколду, и щеколда была слабая, но я её закрывала, потому что человек, у которого нет ничего, закрывает дверь.

На столе горела свеча. За столом сидела Катарина.

Она не ругалась. Она сидела, положив руки на стол, и перед ней лежала моя книга — та самая, где я записывала шаги на крыше, число простыней и имена.

— Читать я не умею, — сказала она. — Но я знаю, что тут написано. Я тебе скажу, что тут написано, а ты мне скажешь, права ли я. — Она ткнула пальцем в страницу. — Тут написано, что ты нашла дверь под ковром. И что ты была внизу. И что ты видела Кату.

Я молчала.

— Сядь, — сказала Катарина. Я села. — Теперь слушай, потомучто я говорю это один раз и больше говорить не буду. — Она наклонилась ко мне. — Ты думаешь, что попала в дом, где хозяйка убивает девушек. Так?

— Да.

— Так, — согласилась она. — Только это половина. Хочешь вторую?

— Хочу.

— Вторая половина, — сказала Катарина, — в том, что первая половина всех устраивает.

Я не поняла, и она увидела, что я не поняла.

— У госпожи, — сказала она, — в закладе половина округи. У пана Крайчи двадцать лет долг. У пана Иллеш — земля под залогом. У отца Юрая — дом, построенный на её деньги, и он

об этом не говорит в проповеди. У судьи в Трнаве — брат, который служит у неё управителем. — Она перечисляла ровно, как я перечисляла мешки. — Если госпожа сядет, то в ту же неделю у всех этих людей спросят: а откуда у вас деньги? А на что вы смотрели? А почему вы ничего не видели двадцать лет? И тогда окажется, что виновата не одна женщина в замке, а весь комитат.

— И что?

— И то, — сказала Катарина, — что пока она нужна, никто ничего не увидит. Даже если увидит. Особенно если увидит.

Я сидела и слушала, как в трубе шуршит ветер.

— А ты? — спросила я. — Ты почему молчишь?

Она посмотрела на меня и вдруг улыбнулась — впервые за всё время, и улыбка была нехорошая, потому что в ней была жалость.

— Потому что мне шестьдесят один год, — сказала она, — и потому что у меня нет ничего, кроме этой связки ключей. Пока я с ключами — я человек. Без ключей я — старуха, которую выгонят в поле. — Она поднялась. — А теперь главное, девка. Ты спрашивала, где твоя сестра. Я скажу тебе правду, и ты её запомнишь, потому что это последняя правда, которую я тебе скажу бесплатно.

— Где она?

— Её нет, — сказала Катарина. — И ленты, которые ты видела в сундуке, — не трофеи. Их приносят ей. — Она помолчала. — Каждая тихая девка перед тем, как её положат в тихую комнату, отдаёт ленту. Госпожа говорит: «Отдай мне то, что тебе дороже, и я тебя отпущу». И они отдают. И тогда она плачет и говорит: «Ну вот, теперь я тебя запомнила», — и потом их кладут.

— Она сумасшедшая, — сказала я.

— Она больная, — сказала Катарина. — Это не одно и то же. Сумасшедший не считает. А она считает каждую. — Она подошла к двери и обернулась. — И знаешь, что самое страшное? Она их правда помнит. Она может назвать всех. Я проверяла.

Дверь закрылась.

Я сидела в холодной комнате до рассвета, и перо лежало передо мной, и я не могла написать ни слова, потому что впервые в жизни не знала, с чего начинается счёт.

Тогда я решила, что с начала.

Я открыла книгу на первой чистой странице и написала сверху:

«Опись крови».

А под этим — первую строку:

«Лент в сундуке — 23. Тихих за четыре года — 57. Не сходится. Значит, часть лент уносят. Значит, есть другая дверь».

Пятьдесят семь имён я тогда не знала. За год я узнала двадцать одно, и каждое записала на отдельной строке, потому что человек, у которого нет могилы, должен иметь хотя бы строку.

Глава 3. Свеча и миска

Кату я хоронила в четверг, через два дня, и хоронила не я, а река.

Мне сказали об этом так, как говорят про погоду: «Кату вынесли». Я спросила, куда. Мне ответили: «Куда всех». Я не стала спрашивать больше, потому что уже понимала: если спрашивать дальше, ответят правду, а правду в этом доме лучше было узнавать по частям, как едят хлеб в голодный год — отламывая по куску, иначе не прожуёшь.

Через неделю после этого меня позвали не после вечерни, а в полдень, и позвала не Катарина, а Регина — девушка из верхних комнат, тонкая, с длинными пальцами, которая ходила так, будто пол под ней был из яичной скорлупы.

— Тебя госпожа зовёт, — сказала она. — В нижнюю палату.

Я знала, что такое нижняя палата: в описи это была комната, где хранились старые вещи — вышедшая из употребления посуда, поломанные канделябры, сундуки с тряпьём. Она числилась за кладовщиком. Мне ни разу не пришло в голову, что в комнате, где хранят ломаные вещи, может быть кровать.

Регина довела меня до лестницы и там остановилась.

— Дальше сама, — сказала она. — И вот что. Что бы ты там ни увидела, не отводи глаз. Если отведёшь — она это заметит и решит, что ты боишься, а бояться там нельзя.

— А если я боюсь?

— Тогда бойся так, — сказала Регина, — как будто ты не боишься.

Я спустилась по восьми ступеням, и камень на восьмой был отполирован до блеска, и я подумала: сколько же по этой лестнице ходили, чтобы так стереть камень.

Дверь в нижнюю палату была открыта.

Внутри горели четыре свечи — две на столе, две на полу, — и ещё одна была у кого-то в руке. Комната была та же, что и в ту ночь: сводчатая, без окна, с кроватью. Но теперь кровать была пуста, а на полу, на расстеленной клеёнке, лежала девушка, и я не сразу поняла, что она мертва, потому что она была совсем молодая и лицо у неё было спокойное, как у спящей.

Это была Регина-младшая. То есть не та Регина, что вела меня по лестнице, а другая, из прачечной, которую все звали Малой Региной, потому что их было две, и обе были из одной деревни.

Она лежала на спине, руки вдоль тела. На ней была рубаха, и рубаха была мокрая и бурая от ворота до подола.

А над ней стояла графиня.

Она была в чёрном платье, без украшений, с закатанными рукавами, и в правой руке у неё был нож — небольшой, с коротким широким лезвием, такие есть на каждой кухне, ими режут сало. В левой она держала миску.

— А, — сказала она, увидев меня. — Дороття. Входи, входи. Ты мне и нужна. — Она показала ножом на пол рядом с клеёнкой. — Встань здесь и держи свечу. Высоко. Чтобы я видела.

Я не двинулась.

— Дороття, — сказала она мягко. — Я не люблю повторять. Ты ведь знаешь, что я не люблю повторять.

У меня в голове было тихо и пусто, ни одного числа. Я подумала: если я сейчас скажу «нет», то через час я буду лежать здесь же, и никто в этом доме не удивится, а отец получит письмо о том, что я «ушла в четверг». А если я скажу «да», то я буду держать свечу, и это будет моё.

И я выбрала свечу. И буду выбирать свечу ещё много раз, и каждый раз это будет мой выбор, и поэтому я не имею права говорить, что меня заставили.

Я подошла, взяла свечу из подсвечника на столе, встала у изголовья и подняла её высоко.

— Вот так, — сказала графиня. — Хорошо. Теперь смотри.

И она наклонилась.

Я не буду описывать, что она делала. Не потому, что не помню — я помню всё, до последней капли, и если бы я записывала это на бумаге так, как оно было, эту тетрадь нельзя было бы держать в доме, где есть дети. Я напишу только то, что нужно для счёта.

Она сделала надрез на руке мёртвой девушки, у сгиба, там, где кожа тонкая. Кровь не пошла — мёртвое тело не даёт крови, — и тогда она разрезала глубже, и ещё глубже, и стала выдавливать, как выдавливают сок из ягоды, и в миску упало немного, совсем немного, и она смотрела в миску с таким лицом, будто её обманули.

— Мало, — сказала она. — Опять мало. — Она выпрямилась и посмотрела на меня. — Ты видишь? Она уже не годится. Всё, что в ней было, ушло раньше. — Она поставила миску на стол. — Когда их берут в тихую комнату, они боятся, и от страха кровь уходит вглубь, и её не достать. А если не боятся — она вся на поверхности, и её можно взять. Поэтому их сначала держат. Пять дней, шесть, семь. Пока страх не выйдет. Ты понимаешь?

Я держала свечу и смотрела на неё.

— Понимаю, — сказала я. И это была правда: я понимала. Я понимала, что она говорит о девушках как о бочках, в которых вино отстоялось, и что в её голове это было не безумие, а ремесло, с правилами, с ошибками, с потерями.

— Ты умная, — сказала она. — Ты уже посчитала, сколько их было. Не перебивай, я знаю, что посчитала: ты сидела ночью с книгой и считала. Я видела, как ты считала, по твоему лицу. — Она обтёрла нож о тряпку. — Скажи мне, сколько.

— Пятьдесят семь, — сказала я.

— Пятьдесят восемь, — сказала она. — Ты не считала эту. И ещё трёх, которых брали до тебя и о которых в замке не говорили, потому что они были не из наших мест и их никто не искал. — Она посмотрела на меня. — А теперь скажи мне, что ты думаешь.

Я молчала.

— Скажи, — сказала она. — Ты же всё равно скажешь, только позже и хуже.

— Я думаю, — сказала я, — что вы могли бы взять ту же кровь у свиньи на бойне и не иметь ни одной тихой комнаты.

Графиня замерла.

А потом засмеялась — по-настоящему, громко, и смех у неё был хороший, живой, и от этого стало совсем невыносимо.

— У свиньи, — сказала она. — У свиньи. Господи, Дороття, ты первая за двадцать лет, кто сказал это вслух. — Она села на табурет. — Ну хорошо. Ответь мне тогда: почему свинья?

— Что?

— Почему свинья, а не корова? Корова больше, в ней больше крови, держать её дешевле. Почему все берут свиней, когда им нужна кровь?

Я не знала.

— Потому что у свиньи кровь не сворачивается так, как у коровы, — сказала графиня. — И потому что свинья ест что попало и мясо у неё жирное, и кровь жирная, и она ложится на кожу иначе. Это знают все, кто режет скот. — Она наклонилась ко мне. — А теперь скажи мне, Дороття: если я двадцать лет режу скот и знаю про свиную кровь больше, чем любой мясник в этой долине, почему, по-твоему, я этого не делаю?

Я стояла со свечой в руке, и огонь у меня не дрожал, потому что я держала крепко.

— Потому что вам нужна не кровь, — сказала я.

Графиня улыбнулась, и улыбка у неё была как у человека, который наконец услышал правильный ответ.

— Вот, — сказала она. — Вот. Ты поняла быстрее, чем мой духовник. Он двадцать лет объясняет мне, что я грешу, и ни разу не спросил, зачем. А ты спросила. — Она встала. — Нет, Дороття. Кровь — это не лекарство. Кровь — это счёт. Я старая. Я больная. Я в зеркало не смотрю, потому что там уже не я. И каждый раз, когда я беру у них то, что у них есть, я покупаю себе ещё немного. Не здоровья. Счёта. Пока я могу взять, я ещё есть.

Она подошла к столу и взяла миску.

— Знаешь, что делают с миской потом?

— Нет.

— Её выливают в реку, — сказала она. — У меня в подвале есть сток, он идёт в Чахтицкий ручей. И когда я выливаю, я всегда смотрю в воду. Не на кровь — на воду. Вода её принимает и не меняется. Вот это и есть вся моя жизнь, Дороття: я выливаю, а вода не меняется.

В тетради счётной:

Если спросят, зачем мне имена, отвечу: чтобы потом было кого считать.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Проверить по описи: 40 простыней, 40 скатертей, 40 гребней.

Опись имущества, лист 92. Простыни полотняные — 12; скатерти — 12; посуда оловянная — 12 шт. Людей в опись не вносят. Приписка на полях: «проверить постирушную». Цена: 12 гульденов.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

На стене висела шпалера, из которой вырезали кусок. На дворе лаяла собака и внезапно умолкала.

писарь смотрел в окно на дорогу у колодца.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Пометка:

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Пометка: имя Дорка есть в книге прихода, обратной записи нет.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями.

Сечени ждал у двери на рынке в Трнаве.

— Ты записала и это? — Записала. Слово в слово.

Свеча короче — значит, ночь прошла не зря.

За стеной кто-то ходил, и половицы отвечали через одну. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

«Сечени, бумага с печатью за одиннадцать месяцев стоит дешевле, чем молчание за один день».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

Запись в книге имён. графиня, пришла в полдень из в бельевой; записано: «дальнейшее неизвестно». Проверено по книге прихода: имя значится. Обратной записи нет.

Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Запись в книге:

Записала: Дорка пришла в полдень, ушла в в полдень. Больше ничего.

Записала: Дорка пришла в полдень, ушла в в полдень. Больше ничего.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Пометка: имя писарь есть в книге прихода, обратной записи нет.

«Регина, бумага с печатью за одиннадцать месяцев стоит дешевле, чем молчание за один день».

Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

Запись в книге:

Пометка: имя Регина есть в книге прихода, обратной записи нет.

Записала: Крайчи пришла в полночь, ушла в в полночь. Больше ничего.

Записала: Крайчи пришла в полдень, ушла в в полдень. Больше ничего.

Записала: Крайчи пришла к вечерне, ушла в к вечерне. Больше ничего.

В тетради счётной:

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Пометка: имя Дорка есть в книге прихода, обратной записи нет.

В бельевой пахло мылом и сыростью. В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи.

писарь сверял даты в костёле.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

Опись — единственное, чего нельзя отнять, если она уже переписана в трёх списках.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом.

графиня разбирала бумаги у ворот.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

В этом доме у каждой вещи был счёт, кроме людей.

На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

графиня смотрела в окно на дорогу в малой зале.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Графиня была не злой, а испуганной, и это было хуже.

В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда.

Сечени пересчитывал гульдены на рынке в Трнаве.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

Правда здесь никого не интересовала; интересовала опись.

У ворот стоял человек с фонарём и не уходил. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

Свеча горела неровно, и тень от руки шла по стене. В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков.

писарь приносил дрова у камина.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе. Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

«Турзо, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

Письмо в канцелярию, черновик. Прошу проверить опись именем и числом. Приложено: 4 листов. Ответа нет 4 недель.

Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

«Марица, здесь все знают и все говорят шуткой — шутка делает так, чтобы это не считалось».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {T}.

На подоконнике лежал гребень с четырьмя зубьями. У ворот стоял человек с фонарём и не уходил.

писарь ставил печать у камина.

— Ты записала и это? — Записала. Слово в слово.

Она записывала только то, что можно проверить, и это было её формой упрямства.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

Запись в книге:

Пометка: имя Крайчи есть в книге прихода, обратной записи нет.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Сегодня в замке 12 человек прислуги; в августе было больше.

«Крайчи, бумага с печатью за одиннадцать месяцев стоит дешевле, чем молчание за один день».

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

В бельевой пахло мылом и сыростью. В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом.

Марица приносила дрова на дворе.

— Что будет, когда всё кончится? — Кто-то должен будет переписать имущество.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Счёт за к вечерне. Свечей сальных — 12; соли — 12 мер; вина — 12 бочонка. Отдельной строкой: за починку замка в северном крыле — 12 гульденов, мастер не назван.

Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. На лестнице лежал ковёр, стёртый посередине.

Иллеш записывал имя у камина.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. Никто об этом не вспоминал до самой весны, а весной было поздно.

В бельевой пахло мылом и сыростью. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

Крайчи прятал лист под передник в коридоре замка.

— Сколько их было? — Двадцать одно имя, которое я могу проверить.

Она боялась не смерти, а того, что забудет дату.

У колодца стояло ведро и в нём плавал лист. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

* * *

Меня отпустили через час, и я поднялась по лестнице, и наверху меня ждала Катарина, и она посмотрела на моё лицо и ничего не спросила.

Я пришла в счётную, села и просидела до темноты, ничего не делая.

А вечером, когда стемнело, я взяла книгу и записала.

Я записала всё: свечу, клеёнку, миску, разрезы, «от страха кровь уходит вглубь», «держат пять-семь дней», «пятьдесят восемь», «река не меняется».

А потом записала отдельно, на другой странице, то, что поняла уже не глазами.

«Она не сумасшедшая. Сумасшедшая не станет объяснять, почему свинья, а не корова. Она делает это не потому, что не понимает разницы, а потому, что разницу понимает лучше всех. Значит, дело не в крови. Дело в том, что она берёт у человека, а не у свиньи. Ей нужно, чтобы это был человек. Иначе не считается».

Дальше я написала ещё одну строку, и это была самая важная строка за весь тот год.

«Она не может остановиться не потому, что ей нужно лекарство. Она не может остановиться потому, что каждый раз, когда она берёт, она доказывает себе, что ещё жива. А доказательство не заканчивается. Его нельзя кончить. Его можно только прекратить».

И тут я поняла, что у меня в руках, и мне стало холодно.

Потому что человек, который умеет считать, может посчитать и это: сколько нужно доказательств, чтобы женщина поверила, что она живая.

Ответ был: пока их дают.

В счётной мёрзли чернила, и перо царапало бумагу. В кладовой стояли сундуки, которых не было в описи.

Сечени записывал имя в комнате у графини.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

Отец Юрай говорил тихо, потому что громко здесь не получалось.

На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

В нижней палате окно было забито досками в сорок один гвоздь. В коридоре было холодно так, что дыхание оставалось в воздухе.

Сечени ставил печать на дворе.

— Что записываешь, Дорка? — Простыни, госпожа. Людей в опись не вносят.

Дорка думала, что вина лучше, чем привычка, — привычка делает человека Марицей.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. Строка осталась в описи, и её никто не вычеркнул.

«Иллеш, пишу тебе не обвинение, а просьбу: проверь по книге прихода имена, что приложены».

Она переписала лист в трёх списках и спрятала один под передник.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. На мельнице мололи так, что дрожал пол.

писарь писал письмо у ворот.

— И что мне с этим делать? — Записать. Остальное — не твоя работа.

Опись — единственное, чего нельзя отнять, если она уже переписана в трёх списках.

В малой зале на столе стояли кувшины и шесть кубков. Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Запись в книге имён. Иллеш, пришла после полуночи из на кухне; записано: «дальнейшее неизвестно». Проверено по книге прихода: имя значится. Обратной записи нет.

Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

Пометка:

Проверить: управитель называет одну цену, счётная книга — другую.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

Сегодня в замке 118 человек прислуги; в августе было больше.

Считать по датам, а не по памяти: память здесь продают вместе с вином.

Марица сказала «я просто стирала утром». Записала и это.

«графиня, здесь все знают и все говорят шуткой — шутка делает так, чтобы это не считалось».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

На мельнице мололи так, что дрожал пол. На столе лежала опись, где людей не значилось — только простыни и посуда.

графиня разбирала бумаги в кладовой.

— Ты мне веришь? — Я верю датам.

Опись — единственное, чего нельзя отнять, если она уже переписана в трёх списках.

В костёле было теплее, чем в замке, и это говорило о многом. За окном шёл дождь, и в счётной пахло мокрой бумагой.

«Сечени, здесь все знают и все говорят шуткой — шутка делает так, чтобы это не считалось».

Дорка закрыла книгу и задула свечу ровно в {Т}.

«графиня, я не прошу спасать девушек. Я прошу приехать и переписать имущество».

Утром это выглядело как обычная бумага, и это было самое страшное.

В тетради счётной:

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Отец Юрай сказал: «не называй цифру, которую не можешь подтвердить».

Сегодня в замке 21 человек прислуги; в августе было больше.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. В прачечной вода в корыте была серой.

графиня пришивала воротник у камина.

— Ты не боишься? — Боюсь. Но у страха нет описи, а у меня есть.

Каждое имя в книге было человеком, а не строкой.

На кухне варили что-то, что пахло уксусом и травами. Потом она не смогла бы сказать, в какой день это было, — но в книге стояла дата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.